

УДК 94(100)“1914/19” + 94(470) + 94(430) + 316.75

В. Д. Камынин

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА СОВЕТСКУЮ ИДЕОЛОГИЮ 1920-х гг.

Статья посвящена анализу воздействия внешних факторов, включая внешнеполитический, на историков-марксистов 1920-х гг., принимавших активное участие в формировании советской идеологии. Рассматривается влияние на идеологические постулаты работ различных зарубежных авторов, с которыми большевистские исследователи познакомились во время их пребывания в эмиграции в начале XX в., а также публикаций в СССР в 1920-е гг. произведений иностранных исследователей. Главное внимание уделяется складыванию концепции ведущего марксистского историка этого времени М. Н. Покровского по истории Первой мировой войны.

К л ю ч е в ы е с л о в а: советская идеология, внешнеполитический фактор, Первая мировая война, Россия, Германия, М. Н. Покровский.

В современной литературе весьма актуальным является вопрос о влиянии различных факторов на советскую идеологию в начальный период ее формирования. Мы уже писали о том, что историческая наука как важнейшее средство формирования советской идеологии на всех этапах своего развития подвергалась сильнейшему воздействию со стороны внутренней и внешней политики, но на различных этапах воздействие политических факторов проявлялось в разной степени [8, 16].

В данной статье основное внимание уделяется изучению влияния внешнеполитического фактора на советскую идеологию 1920-х гг. Это десятилетие являлось уникальным временем, когда в советской стране под влиянием экономического плюрализма недолгое время существовал плюрализм политический и идеологический.

Уже в советское время был поставлен вопрос о влиянии внешнеполитического фактора на советскую историческую науку в 1920-е гг. А. В. Фадеев,

рассматривая взгляды одного из старейших историков-марксистов, М. Н. Покровского, и представителей его «школы» на роль различных государств в развязывании Первой мировой войны, объяснял «крайности, присущие суждениям Покровского и его единомышленников» тем, что «антантовский империализм, победивший Германию, представлял тогда наибольшую опасность для Советской республики» [30, 436].

Ряд современных авторов игнорирует влияние внешних факторов на советскую идеологию. Ю. Н. Афанасьев рассматривает историческую науку в советский период как «особый научно-политический феномен, гармонично вписанный в систему тоталитарного государства и приспособленный к обслуживанию его идейно-политических потребностей» [1, 37]. Г. Р. Наумова и А. Е. Шикло отмечают, что «историческое знание формируется в определенной общественной среде, определенном типе культуры, который характеризуется социально-экономическим, политическим, идеологическим состоянием общества, развитием философской, общественной, экономической мысли» [13, 5]. Хотя приведенные точки зрения принципиально расходятся в оценке советского периода развития исторической науки, но объединяет их упор только на внутренние факторы ее формирования.

Другие исследователи полагают, что отрицать воздействие внешнего фактора на формирование советской идеологии не следует. С. П. Бычков и А. В. Свешников подчеркивают, что «историческая наука в советский период, безусловно, имела свои характерные черты. На наш взгляд, разумное исследовательское сочетание факторов внешнего и внутреннего влияния на развитие науки будет достаточно плодотворным» [4, 307]. А. В. Хряков и А. В. Свешников, пытаясь найти общие черты исторической науки СССР и фашистской Германии, замечают: «Положение исторической науки в тоталитарном государстве зависело от многих факторов, как внешних по отношению к ней, так и внутренних, обозначааемых чаще всего как традиция» [32, 479]. По нашему убеждению, именно учет совокупности внутренних и внешних факторов, в том числе внешнеполитического, поможет исследователям полнее показать особенности формирования советской идеологии в годы нэпа.

Между тем никто из современных исследователей не занимается изучением влияния внешнеполитического фактора на советскую идеологию в начальный период ее формирования. По нашему мнению, наиболее полно представить воздействие этого фактора на марксистских обществоведов первого поколения, принимавших непосредственное участие в формировании идеологием Советского государства, может анализ творческой деятельности М. Н. Покровского (1868–1932), который по праву считается основателем советской исторической науки [3, 360], руководителем историков-марксистов 1920-х гг. Литература об этом ученом огромна. Современный исследователь творчества Покровского — А. А. Чернобаев так отзываясь о ней: «При знакомстве с этой обширной литературой поражает крайняя противоречивость оценок политической и научной деятельности Покровского. Одни авторы безудержно восхваляют ученого, закрывая глаза на его ошибки и заблуждения; другие, наоборот, выдвигают против него необоснованные, порой вздорные обвинения» [33, 5].

Самым дискуссионным вопросом изучения научного наследия М. Н. Покровского является вопрос о его теоретических воззрениях. Для формирующейся советской идеологии важнейшим моментом было освоение марксистской методологии. Между тем Покровский, считая себя подлинным марксистом, весьма дифференцированно подходил к использованию основ марксизма, беря из него только то, что отвечало его историческим взглядам. По нашему мнению, Покровский был близок к оценкам исторического процесса, данным К. Марксом и Ф. Энгельсом, но расходился по многим принципиальным вопросам с В. И. Лениным.

Общим местом в литературе о М. Н. Покровском является утверждение о том, что он не принимал ленинское учение об империализме как высшей и последней стадии капитализма. Сам Покровский не отрицал этого и писал, что в оценке термина «империализм» он «сидел между двумя стульями, концепцией Гильфердинга и концепцией Ленина» [20, 139]. Между тем оценка ученым империализма оказала самое серьезное влияние на его понимание характера Первой мировой войны и виновников ее развязывания.

По нашему мнению, на формирование теоретических воззрений М. Н. Покровского сильное влияние оказал внешнеполитический фактор. Подлинное знакомство Покровского с марксистским учением произошло во время его пребывания в эмиграции. С августа 1909-го по август 1917 г. Покровский жил и публиковал свои работы в европейских столицах, в основном в Париже. Пребывание в эмиграции двояко сказалось на теоретических взглядах Покровского. Во-первых, как ученый впоследствии в связи с критикой его трудов признавал: его прошлые идейные и политические ошибки объясняются «незначительными мелкими причинами», в частности как раз условиями эмиграции и знакомством с «демократией Европы» [19, 212]. Во-вторых, выданный за границу царским режимом, он в своих работах старался разоблачать этот режим и, в частности, агрессивную сущность внешней политики царской России. Огромную помощь Покровскому в этом оказали работы Маркса и Энгельса, с которыми не были знакомы российские читатели. Статья Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма» была опубликована в СССР лишь после Великой Отечественной войны [34], а работы К. Маркса с критикой внешней политики русского царизма [12, 31] не издавались в СССР до начала перестройки. Особый интерес представляла незавершенная работа К. Маркса «Разоблачения относительно дипломатической истории XVIII в.», которую он писал в июне 1856 — марте 1857 г. и частично опубликовал в лондонском еженедельнике «Free Press». При жизни Маркса и Энгельса «Разоблачения» более не публиковались. После смерти Энгельса это произведение было подготовлено к печати дочерью Маркса Элеонорой Маркс-Эвелинг и увидело свет уже после ее смерти [35].

Эти произведения основоположников марксизма касались в числе прочего внешней политики царизма, его международной роли. Исследованием данных проблем Маркс и Энгельс занимались в связи с анализом соперничества европейских держав на Ближнем Востоке и Балканах, Крымской войны, борьбы за объединение Германии и Италии, других международных событий 50-х гг.

XIX в. Их внимание привлекало международное влияние царского самодержавия, та роль, которую сыграл царизм в создании Священного союза, установлении реакционных режимов в Европе после Наполеоновских войн и особенно в подавлении революции 1848–1849 гг. в Венгрии. Маркс и Энгельс разоблачали реакционный курс внешней политики России в отношении европейского революционно-демократического и национально-освободительного движения, колонизаторские действия царизма в присоединенных к России областях. Для них было принципиально подчеркнуть, что действия России в Европе объективно препятствуют развитию европейской революции.

Эти работы стали известны русским эмигрантам. Обширные выдержки из «Разоблачений» Маркса были приведены Д. Б. Рязановым в статье 1908 г. «Англо-русские отношения в оценке Карла Маркса», напечатанной в 1909 г. на немецком языке в приложении к журналу «Die Neue Zeit» [25]. Данные работы Маркса и Энгельса оказали серьезное влияние на концепцию внешней политики России М. Н. Покровского. Уже в первой своей статье о войне, написанной в ноябре 1914 г., он обвинял Россию в стремлении к участию в войне, утверждая, что «Россия готова была воевать и воюет теперь из-за одних только хлебных пошлин» [24, 93].

Покровский воспринял некоторые воззрения лидеров германской и австрийской социал-демократии, в частности теорию империализма Р. Гильфердинга, который рассматривал финансовый капитал как господство банков над промышленностью и недооценивал концентрацию капиталистического производства. В 1914 г. М. Н. Покровский опубликовал специальную статью, посвященную русскому империализму [17]. Освещение его формирования он начинал с эпохи Николая I, когда Россия вела борьбу за персидские, а затем и турецкие рынки. Покровский писал, что в России была особая форма империализма, связанная с господством в ней торгового капитала, — «ситцевый империализм». По его словам, «России в первой половине XIX в. был знаком империализм в самом подлинном его виде». Основными признаками русского империализма Покровский считал высокие таможенные пошлины, дававшие отечественной индустрии монополию внутри страны, расширение хозяйственной территории до необъятных размеров путем ряда завоевательных войн и экспедиций и образование сильной централизованной и могущественной власти [18, 383].

Еще в советское время А. С. Рослова отмечала, что в дореволюционных работах Покровского по истории внешней политики России «проявилось значительное влияние идей и теорий II Интернационала» [7, 479]. Это утверждение основывается на мнении самого ученого, который, переиздавая в советской стране свои дореволюционные работы, указывал на «устарелость» ряда статей, которые, по его словам, «в общем и целом стоят на классической позиции II Интернационала» [Там же, 390].

Концепция Гильфердинга повлияла не только на М. Н. Покровского и его учеников — историков-марксистов, но и на «денационализаторскую» школу в советской экономической науке 1920-х гг. (Н. Н. Ванаг, С. Л. Ронин, Л. Н. Крицман), которая признавала наличие в России накануне Первой ми-

ровой войны системы финансового капитала, подчинившего себе русские коммерческие банки и через них русскую промышленность. В октябре 1919 г. Покровский отмечал, что книга Гильфердинга «показала нам новые формы капитализма, совершенно преобразившего всю картину капиталистического мира» [33, 88].

Влияние концепции Р. Гильфердинга, К. Каутского и других идеологов 2-го Интернационала ощущалось в творчестве Покровского и в советский период. Империализм он находил во все времена и у всех народов. Для него империализм — протекционизм, таможенные барьеры, стремление к захватам и расширению территорий. По словам Покровского, «империализм в современной Европе означает тяготение к сильной центральной власти», империализм — это «высокие таможенные пошлины, дававшие “отечественной” индустрии монополию внутри страны, стремление под защитой этих пошлин расширить свою хозяйственную территорию до необъятных размеров, ряд завоевательных войн и “экспедиций” как следствие этого стремления» [24, 12].

Покровский в своих ранних работах не соглашался с мнением Ленина об империалистическом характере мировой войны. По его словам, в годы, предшествующие войне, «мировой рынок сам по себе был еще достаточно емким, и на нем пока находилось место для всех трех империалистических колоссов: как Германии, так и Англии и Америки» [Там же, 40]. Работая над своей концепцией мировой войны в советской России, М. Н. Покровский был вынужден признать ее империалистический характер, ибо историки-марксисты в 1920-е гг. уже были хорошо знакомы с ленинской концепцией империализма и оценкой В. И. Лениным характера войны.

При этом Покровский дистанцировался от Ленина в понимании вопроса о виновниках развязывания войны. Ленин утверждал: «Война порождена империалистическими отношениями между великими державами, т. е. борьбой за раздел добычи, за то, кому скушать такие-то колонии и мелкие государства, причем на первом месте стоят в этой войне два столкновения. Первое — между Англией и Германией. Второе — между Германией и Россией. Эти три великие державы, эти три великих разбойника на большой дороге являются главными величинами в настоящей войне, остальные — несамостоятельные союзники» [10, 185]. Выяснив империалистические цели царской России, охарактеризовав последнюю как одного из разбойников на большой империалистической дороге, Ленин указывал на связи российского капитала с англо-французским и тот факт, что «Россия ведет войну не на свои деньги» [11, 50]. При этом он не отрицал наличия у царизма собственных внешнеполитических целей в войне. Ленин писал: «Царизм ведет войну для захвата Галиции и окончательного придушения свободы украинцев, для захвата Армении, Константинополя и т. д.» [9, 318].

Причины войны Покровский сводил либо к «злой воле отдельных лиц и отдельных групп», либо к ряду «дипломатических конфликтов, опиравшихся на перекрестные вооружения и, в свою очередь, дававших повод к новым вооружениям» [24, 30]. Характеризуя классовую принадлежность «отдельных лиц и отдельных групп», заинтересованных в развязывании войны, Покровский

полагал, что для России «непосредственно война была связана с интересами русского торгового капитала» [24, 146].

Концепция Покровского в понимании вопроса о виновниках развязывания войны, которым он много занимался в советское время, складывалась во многом также под влиянием внешнеполитического фактора. Это влияние ощущалось, во-первых, в том, что между советской Россией и веймарской Германией в 1920-е гг. сложились дружественные отношения. Заключение в 1922 г. Рапальского договора, установление «неформальных» отношений между этими странами в военной сфере [6] привело к появлению стремления у советских идеологов снять вину за развязывание войны с дружественной на тот момент для России страны — Германии, переложить ответственность на другие страны, прежде всего на страны Антанты.

Свой вклад в разоблачение «мифа» об агрессивности Германии вносили как историки «старой школы», так и историки-марксисты. Историк «старой школы» Е. В. Тарле писал, что хотя Германия в 1914 г. начала войну, но «точно так же войну способна была начать и Антанта, но только в другой момент, когда Антанта, а не Германия считала бы себя более готовой» [28, 36]. М. Н. Покровский подчеркивал, что Германия «не стремилась сама к захватам» [24, 71], писал об отсутствии «агрессивных тенденций в политике Германии этого времени» [Там же, 35]. Исследуя степень агрессивности российской и немецкой дипломатии в отношении черноморских проливов накануне мировой войны, данный ученый в лекциях «Внешняя политика России в XX в.» [21] изображал вильгельмовскую Германию невинной жертвой русско-франко-английского заговора, т. е. повторял слова германских историков об «окружении» Антантой миролюбивой Германии. В то время как некоторые из германских ученых признавали тот факт, что «окружение» являлось ответом на германскую экспансию во всем мире, Покровский заявлял буквально следующее: «Складывается громадная коалиция против Германии, которая и заставляла Германию воевать» [24, 406].

Он объяснял это таким образом: «Германия начала двадцатого столетия, оказывается, очень близка по своим интересам к Англии первой половины девятнадцатого. Для Германии, как тогда для Англии, оказывается нужна не “возможно обширная хозяйственная территория”, огражденная от иностранной конкуренции “таможенными стенами”, а сокрушение всяких “таможенных стен” и “открытые двери” повсюду. И этому экономическому положению как нельзя лучше отвечала германская политика за последние 40 лет: целью этой политики было отнюдь не расширение территории, а заключение торговых договоров» [Там же, 70].

Защищая германский империализм, М. Н. Покровский утверждал, что последний «в ужасе отпрянывал от идеи мировой войны с участием Англии, а его соперники готовили уже именно мировую войну с широтой целей и энергией средств поистине безмерной» [23, 16]. По словам ученого, «приписывающиеся Германии французскими шовинистами планы территориальных захватов, раздела Франции и т. п. настолько резко противоречили экономическим интересам Германии, что о них никто уже теперь серьезно не говорит».

Он считал, что Германия «отнюдь не стремилась к максимальному расширению своей территории; она начала войну потому, что думала, что на нее хотят напасть» [24, 70–71]. Покровский специально подчеркивал: «Имея такого миролюбивого соседа, как царская Россия, хочешь-не хочешь, а нападешь...» [Там же, 173].

Второе обстоятельство, которое добавляло аргументов сторонникам снятия вины с Германии в развязывании мировой войны, была широкая публикация в СССР в 1920-е гг. произведений немецких авторов. Современный автор Р. Я. Подоль указывает на то, какое значение для формирования теоретических основ советской идеологии имели публикации зарубежных теоретиков. Он отмечает, что при распространении в среде советских обществоведов марксистского понимания общей теории исторического процесса «важное внимание уделялось публикациям западных исследователей теории исторического материализма». По его мнению, наибольшее влияние на формирование марксистского мировоззрения в этой области оказали опубликованные в СССР произведения итальянского марксиста А. Лабриолы, немецкого социал-демократа Г. Гортера и др. [16, 100].

Для историков мировой войны большое значение имела широкая публикация мемуаров видных участников политических событий кануна и периода войны. После подписания Рапалльского договора на советского читателя обрушилась лавина мемуаров деятелей Тройственного союза, прежде всего Германии — от императора до боевых генералов и дипломатов. Мемуаристы пытались обосновать выгодные им объяснения причин возникновения мировой войны. Кайзер Германии Вильгельм II, канцлер Германии Т. Бетман-Гольвег, германский посол в России граф Ф. Пурталес объясняли причины войны злой волей отдельных стран и их политических руководителей, не пожелавших дипломатическим путем ликвидировать назревший конфликт.

В своих мемуарах Вильгельм II писал о «мирной миссии Германии, прерванной ужасной войной, которую Германия не хотела и за которую не может быть ответственна» [5, 166]. В письме к фельдмаршалу П. Гинденбургу (от 5 апреля 1921 г.) бывший кайзер подчеркивал: «О вине Германии не может быть и речи. Теперь нет никакого сомнения в том, что ни Германия, а вражеский союз заранее и планомерно подготовил и вызвал войну. ...Для меня не может быть также и речи о том, чтобы я предстал перед судом...» [Там же, 138]. В главе мемуаров, прямо посвященной вопросу о виновниках войны, он обвинял Францию, «...заботливо лелеющую идею реванша», Россию, стремящуюся «...к выходу в южное море», и Англию, которая вместо мирных методов конкуренции с Германией на мировом рынке «...пустила в ход насилие, то есть отказалась от мирных средств и прибегла к военным» [Там же, 148–153].

Идея оправдания самих себя, прежде всего перед своим народом, вслед за Вильгельмом II была подхвачена многими немецкими политиками и дипломатами, бывшими руководителями армии и флота. «Воспоминания» морского министра Альфреда фон Тирпица пронизаны доказательствами того, что в минувшей войне Германия являлась не агрессором, а жертвой нападения, и это должно вызвать в народе «жажду мести» [29, 127]. Снятию вины с полити-

ческих лидеров Германии посвящены и воспоминания Ф. Пурталеса. Более того, в развязывании войны, по его мнению, виновата исключительно Россия. Он писал: «Общая мобилизация в России явилась сознательным и намеренным вызовом Германии, которая не хотела войны, вызовом, имевшим целью добиться войны, которой в противном случае еще, может быть, представлялась бы возможным избегнуть» [26, 18].

Среди российских авторов не было единства в отношении мнений, высказанных в иностранной литературе. Историки «старой школы», известные специалисты в области международных отношений и истории дипломатии, в том числе принимавшие активное участие в деятельности Наркомата иностранных дел, выступили с резкой критикой мнения мемуаристов. В. А. Гурко-Кряжин в предисловии к воспоминаниям Т. Бетмана-Гольвега охарактеризовал доводы мемуариста касательно миролюбия Германии и ее лидеров накануне и в годы мировой войны как трусливую политику выгадывания времени [2, VII–XIII].

Историки-марксисты М. Н. Покровский, Н. Л. Рубинштейн, М. П. Павлович-Вельтман обвиняли критиков позиции деятелей Тройственного союза в «антантофильских выводах» [22, 13; 27, 12], в стремлении обелить царскую дипломатию [14, 14]. Покровский слепо доверял словам кайзера Вильгельма о его нежелании воевать, высказанным им в июне 1914 г. при приеме американского представителя Хауса. «Ясно было одно, — утверждал историк, оценивая результат этой встречи, — Вильгельм воевать сейчас не хочет. Сейчас Германии война не выгодна» [24, 71]. Цитируя письма русских дипломатических агентов о положении в Германии, Покровский заявлял: «Из всех документов, которые мы пока процитировали, совершенно не видно одного — германского империализма» [Там же, 370].

С утверждением в СССР власти И. В. Сталина официальная советская идеология начала пересматривать сложившуюся в 1920-е гг. концепцию происхождения и виновников развязывания Первой мировой войны. Накануне и в начале Второй мировой войны развернулась оголтелая критика исторических взглядов М. Н. Покровского, которые характеризовались как антимарксистские. Хочется отметить, что в период осуждения Покровского вредность его исторической концепции объяснялась как внутривнутриполитическими, так и внешнеполитическими факторами. Критики писали о том, что созданная им концепция стала «базой для вредительства со стороны врагов народа, разоблаченных органами НКВД, троцкистско-бухаринских наймитов фашизма, вредителей, шпионов и террористов» [15, 5].

Анализ исторической подоплеки формирования советской идеологии в 1920-е гг. дает основания утверждать, что на эту идеологию оказывал самое серьезное влияние внешнеполитический фактор. Он воздействовал на русских марксистов, находившихся в начале XX столетия в эмиграции в различных странах Европы и Америки. В советское время идеология впитала в себя многие постулаты, проникавшие в страну вместе с иностранной литературой. Очевидно, что наибольшее воздействие на нее оказало германское видение развития исторического процесса.

1. *Афанасьев Ю. Н.* Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996.
2. *Бетман-Гольвег Т.* Мысли о войне. М. ; Л., 1925.
3. *Бычков С. П., Корзун В. П.* М. Н. Покровский как основатель советской исторической науки // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005.
4. *Бычков С. П., Свешников А. В.* Проблема феномена советской историографии // Там же.
5. *Вильгельм II.* Мемуары. События и люди, 1878–1918. М. ; Пг., 1923.
6. *Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С.* Фашистский меч ковался в СССР: Красная армия и рейхсвер: Тайное сотрудничество, 1922–1933: Неизвестные документы. М., 1992.
7. Историография истории СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева. М., 1961.
8. *Камынин В. Д., Чернобаев А. А.* Теоретические и методологические проблемы истории исторической науки в России // Историография истории России : учеб. пособие для бакалавров / под ред. А. А. Чернобаева. 2-е изд. М., 2014.
9. *Ленин В. И.* Социализм и война (Отношение РСДРП к войне) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 26.
10. *Ленин В. И.* О сепаратном мире // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 30.
11. *Ленин В. И.* Письма из далека // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1974. Т. 31.
12. *Маркс К.* Разоблачения относительно дипломатической истории XVIII в. // Вопр. истории. 1989. № 1–4.
13. *Наумова Г. Р., Шикло А. Е.* Историография истории России : учеб. пособие. 2-е изд. М., 2009.
14. *Павлович М. П.* Вступительная статья к «Записке Дурново» // Красная новь. 1922. № 6.
15. *Панкратова А.* Развитие исторических взглядов М. Н. Покровского // Против исторической концепции М. Н. Покровского. М. ; Л., 1939.
16. *Подоль Р. Я.* Теория исторического процесса в русской историософии первой трети XX века. М., 2008.
17. *Покровский М. Н.* Русский империализм в прошлом и настоящем // Просвещение. 1914. № 1.
18. *Покровский М. Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: сб. ст. М., 1923.
19. *Покровский М. Н.* По поводу статьи тов. Рубинштейна // Под знаменем марксизма. 1924. № 10–11.
20. *Покровский М. Н.* Марксизм и особенности исторического развития России. Л., 1925.
21. *Покровский М. Н.* Внешняя политика России в XX веке: Популярный очерк. М., 1926.
22. *Покровский М. Н.* «Новые» течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. Т. 7.
23. *Покровский М. Н.* Как возникла мировая война. М., 1932.
24. *Покровский М. Н.* Империалистическая война : сб. ст. М., 1934.
25. Предисловие от Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС к работе К. Маркса «Разоблачения относительно дипломатической истории XVIII в.» [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.net/library/id_879.html (дата обращения: 25.05.2014).
26. *Пурталес Ф.* Между миром и войной. Пг., 1923.
27. *Рубинштейн Н.* Классовая борьба на историческом фронте. Иваново-Вознесенск, 1931.
28. *Тарле Е. В.* Гегемония Франции на континенте // Анналы. 1924. Т. 4.
29. *Тирпиц А.* Воспоминания. М., 1957.
30. *Фадеев А. В.* Внешняя политика России в освещении советских историков // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. 4.

31. Хронологические наброски К. Маркса по истории России / вступ. ст. Ф. Г. Рябова, Г. Б. Ковганкина // Вопр. истории. 1988. № 9.
32. Хряков А. В., Свейников А. В. Историческая наука Германии при национал-социализме // Очерки истории отечественной исторической науки XX века.
33. Чернобаев А. А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М. Н. Покровского. М., 1992.
34. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М., 1962. Т. 22.
35. Marx K. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century. L., 1899.

Рукопись поступила в редакцию 4 июля 2014 г.

УДК 327.57 + 327(470) + 327(510) + 327(5-015)

Р. С. Мухаметов

МЕСТО И РОЛЬ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

В статье говорится об участии России в деятельности ШОС, о том, что обеспечение внешнеполитических приоритетов России требует эффективного использования потенциала международных правительственных организаций. Автор полагает, что ШОС является форумом для обсуждения актуальных проблем мировой политики, экономики и евразийской безопасности. Много внимания уделено основным направлениям сотрудничества в рамках организации. Автор приходит к выводу, что ШОС помогает сближать позиции стран-участников для принятия ими согласованных решений в политической и экономической сферах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Шанхайская организация сотрудничества, внешняя политика России, Центральная Азия, внешняя политика КНР.

Перед российской дипломатией стоят задачи по защите национальных интересов и продвижению внешнеполитических приоритетов, а также по обеспечению адекватной роли страны на международной арене. Участие России в деятельности международных правительственных организаций на основе установок, определенных в Концепции внешней политики России, обеспечивает реализацию ее интересов по широкому спектру геополитических и экономических задач. Продвижение внешнеполитических приоритетов России требует эффективного использования потенциала как глобальных, так и региональных структур. Одной из них является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

ШОС, как нам представляется, занимает важное место среди средств внешней политики России и выполняет инструментальные функции. В чем это выражается?

Во-первых, ШОС является форумом для обсуждения актуальных проблем мировой политики, экономики и евразийской безопасности. Это клуб лиде-